

Первая мировая война: кто виноват? (Историографический этюд)

Юрий Петров, Дмитрий Павлов

Общепризнано, что Первая мировая война явилась и первой тотальной информационной войной в истории человечества. Важной её составной частью стал вопрос о непосредственном виновнике мирового вооружённого конфликта. Идейные битвы по этому вопросу грянули почти одновременно с залпами на фронтах. С первых дней войны правительства воюющих стран начали спешно издавать сборники своих дипломатических документов, призванные обелить свою политику и возложить ответственность за войну на противника. Германская «Белая книга» (27 документов) была представлена в рейхстаг уже 3 августа 1914 г.; британская «Синяя книга» (169 документов) появилась 6 августа; российская «Оранжевая книга» (79 документов) увидела свет 7 августа; французская «Жёлтая книга» (159 документов) – 1 декабря; австро-венгерская «Красная книга» (69 документов) – 3 февраля 1915 г. Помимо них в конце 1914 г. появились бельгийская «Серая» и сербская «Голубая» книги, позднее вышли аналогичные издания правительств Болгарии, Греции и ряда германских «земель». Составить объективное представление о виновнике войны на основании этих публикаций было сложно. «Как могла быть найдена истина, – вопрошал в этой связи итальянский историк Л. Марджини, – если каждая сторона выступила сама себе и судьёй, и адвокатом и если в пропагандистских целях достоянием публики сделала исключительно благоприятные для себя материалы?»¹ Действительно, из сотни документов, опубликованных в Берлине и Вене, ни один не отражал хода секретных германо-австрийских переговоров в последние предвоенные дни и недели. Документы, изданные в Париже и Петрограде, были отчасти воспроизведены с лакунами и, как потом выяснилось, с намеренными искажениями оригинала.

Проблема виновности за войну стала одним из ведущих сюжетов официальной пропаганды и публицистики воюющих стран. Российские публицисты всех общественно-политических лагерей с редким единодушием возлагали ответственность за начало «великой геологической катастрофы», сотрясавшей Европу, на политическую верхушку Германии во главе с Вильгельмом II². «Битва документов» продолжилась и в послевоенные годы, когда «боевые порядки» сторон пополнили мемуары и дневники участников и современников войны, включая крупных государственных деятелей и военачальников, ведущих политиков и дипломатов. Их воспоминания внесли свою лепту в изучение интересующих нас вопросов. Так, ещё за год до окончания войны в США

© 2014 г. Ю.А. Петров, Д.Б. Павлов

¹ *Margini L. Preface // Albertini L. The Origins of the War of 1914. Vol. 1. Oxford, 1952. P. V.*

² *Андреева Т.А. Образ германского императора Вильгельма II в русской публицистике периода Первой мировой войны // Опыт мировых войн в истории России: Сборник статей / Под ред. И.В. Нарского и др. Челябинск, 2007. С. 159.*

вышли в свет мемуары американского посла в Стамбуле Г. Моргентгау. Сведения о планах и действиях военно-политической верхушки Германии в решающие дни июля 1914 г. этот американский дипломат получил от своего немецкого коллеги сразу по возвращении последнего из поездки в Берлин. Откровения немецкого посла не оставили у Моргентгау сомнений в том, кто стал непосредственным виновником войны. «Синие, красные и жёлтые книги, наводнившие Европу вскоре после начала войны, как и сотни документов, изданные немецкой пропагандой в стремлении доказать невиновность Германии, никогда не производили на меня ни малейшего впечатления, – вспоминал американский дипломат. – Ибо мои заключения об ответственности [за войну] основаны не на подозрениях, не на вере или косвенных данных. Мне нет нужды спорить. Я просто знаю. Заговор, который привёл к этой величайшей трагедии человечества, был выношен кайзером и его имперской шайкой». «Стоит ли в таком случае тратить время и далее обсуждать этот вопрос?» – заключал Моргентгау³. С выводами американского дипломата солидаризировались министры С.Д. Сазонов, Р. Пуанкаре, Р. Вивiani и другие высокопоставленные русские и французские мемуаристы. Напротив, предвоенные руководители Германии (Т. фон Бетман-Гольвег, Г. фон Ягов и др.) в воспоминаниях снимали со своей страны всякую ответственность за начало боевых действий. В мае 1919 г. немецкие учёные знаменитости, в том числе выдающиеся историки Г. Дельбрюк и М. Вебер, выступили с коллективным меморандумом, в котором утверждали, что Германия вела с царской Россией оборонительную войну.

Письмо немецких учёных стало ответом на заключение созданной в марте 1919 г. странами-победительницами международной комиссии по вопросу о виновниках войны. Изучив публикации «цветных» книг, комиссия пришла к выводу, что «война была заранее спланирована центральными державами вместе со своими союзниками, Турцией и Болгарией, и стала результатом их умышленных действий, направленных на то, чтобы сделать её неизбежной. Германия в союзе с Австро-Венгрией целенаправленно разрушала мирные инициативы стран Антанты и их настойчивые усилия по предотвращению войны». 231-я статья Версальского мирного договора, подписанного в июне 1919 г. в том числе немецкой делегацией (которая, правда, пыталась протестовать, настаивая на дополнительном и непредвзятом изучении вопроса о виновнике), устанавливала, что война «была навязана» Антанте «агрессией Германии и её союзников». Справедливость такого обвинения позднее подтвердил глава Следственной комиссии рейхстага. «Антантофильским» духом оказались проникнуты и исторические сочинения 1920-х гг., например, исследование П. Ренувена о непосредственных причинах войны⁴. В нём и в последующих, ставших классическими работах этот мэтр французской историографии доказывал, что первый мировой вооружённый конфликт возник преимущественно на почве стремления Германии удовлетворить свои национальные амбиции путём достижения европейской гегемонии. Казалось, что исторический вердикт – обвинение держав Тройственного союза в ответственности за Первую мировую войну – окончателен и бесповоротен. На деле на десятилетия вперед этот вопрос превратился в предмет ожесточённой научной полемики, политических дебатов, журналистских рассуждений и общественных споров⁵.

³ *Morgenthau H.* Ambassador Morgenthau's Story. N.Y., 1918. P. 85–86.

⁴ *Renouvin P.* Les origines immédiates de la guerre (28 juin – 4 août 1914). P., 1927.

⁵ *Павленко О.В.* Австро-Венгрия и Германия в российских планах подготовки к «большой европейской войне» // Актуальные проблемы истории Первой мировой войны: Сборник статей / Под ред. Е.Ю. Сергеева. М., 2014. С. 5.

Революционные события в России, Германии и Австро-Венгрии 1917–1918 гг. сопровождались рассекретиванием и обнародованием документов их дипломатических ведомств. В 1920–1930-х гг. масштабные археографические работы были продолжены и в других государствах-участниках прошедшей войны. В 1922–1927 гг. в Германии под редакцией К. Каутского вышла в свет подборка из без малого 16 тыс. документов (в 39 томах) за 1870–1914 гг.; в аналогичное австрийское издание, начатое в 1930 г., вошло более 11 тыс. документов. Многотомная коллекция Форин офис, опубликованная в 1926–1938 гг., включила свыше 8.5 тыс. документов британского внешнеполитического ведомства. Наиболее профессионально выполненными и полными документальными собраниями этих лет стали подготовленные в 1930-х гг. во Франции и России – бывших «аутсайдерах» археографической гонки. Во Франции под руководством того же П. Ренувена были опубликованы «Documents diplomatiques français, 1871–1914»; в советской России – такая же многотомная документальная подборка «Международные отношения в эпоху империализма, 1878–1917» под редакцией М.Н. Покровского (оба издания остались не завершены). О количественной стороне дела можно составить представление по тому, что только третью серию французской публикации, посвящённую периоду с ноября 1911 г. по начало августа 1914 г., составили 11 томов, в которые в общей сложности вошло свыше 6.5 тыс. документов. В заключительную (третью) серию советской подборки, обнимавшую время с января по начало августа 1914 г., их было включено более 2 тыс. Благодаря археографическому буму 1920–1930-х гг., общее число документов по интересующей нас проблеме, введённых в научный оборот до начала Второй мировой войны, превысило 60 тыс., и это не считая источников личного происхождения.

Одним из следствий появления огромного массива документальных материалов, существенно дополнивших «цветные» книги военной поры, стало то, что в общественных и научных кругах сначала Германии, а затем и других стран Запада возникло движение за ревизию обвинений держав Тройственного союза образца 1919 г. После принятия на Лондонской конференции 1924 г. нового репарационного плана в отношении Германии (так называемого плана Дауэса) этот «ревизионизм» проник, а затем и пышно расцвёл в США, Англии и даже во Франции. В середине 1930-х гг. русские эмигранты, бывшие фронтовики, для которых ответственность Германии за развязывание Первой мировой войны была аксиомой, с изумлением узнали о результатах анкетирования профессиональных историков в США. 108 из 215 опрошенных возложили вину за войну на Антанту и лишь 107 – на державы германского блока⁶. Такая же ситуация сложилась и в мировой научной печати. Работы одних историков (американца Г. Барнса⁷, француза Ж. Демарсиаля и др.) «прямую и непосредственную ответственность» за развязывание войны возлагали на Францию и Россию; другие писали о коллективной ответственности держав обоих блоков, указывая при этом, однако, что неизбежной войну сделала мобилизация русской армии (профессор Гарварда С. Фэй, М.Н. Покровский, французы М. Морар и

⁶ Деникин А.И. Путь русского офицера. Статьи и очерки на исторические и геополитические темы. М., 2006. С. 272.

⁷ Barnes H.E. The Genesis of the World War: An Introduction to the Problem of War Guilt. N. Y., 1926 (французское издание – 1929).

Ж. Исаак⁸); третьи авторы (Б. Шмитт⁹, К. Каутский, П. Ренувен) эту ответственность в большей степени возлагали на Германию и Австро-Венгрию. Стали появляться и более сложные причинно-следственные конструкции. Немецкий историк Г. Лютц выделил три этапа эскалации общеевропейской напряженности летом 1914 г., в конечном счёте приведшей к войне, и обозначил виновников каждого из них. Ответственными за кризис, вызванный сараевским убийством, он считал Сербию, Россию и Австро-Венгрию, за последовавший австрийский ультиматум Сербии и объявление ей войны – державы Тройственного союза, а за мобилизацию русской армии – Россию, Францию и Великобританию¹⁰.

Базой для шаткого консенсуса, достигнутого в историографии к концу 1930-х гг., стало признание участниками дискуссии того, что Первая мировая война явилась результатом фатальной комбинации неверных оценок и ошибочных шагов всех будущих участников мирового вооружённого конфликта. По сути на том же на международных конференциях начала 1950-х гг. сошлись историки Франции, Великобритании и Западной Германии. Итальянский сенатор и журналист Л. Альбертини, изучив огромный массив опубликованных документов, оспорил заключения своих современников-историков о том, что войны 1914–1919 гг. никто из её участников не желал и потому и не несёт «моральной ответственности» за её начало (сам он основную вину за эскалацию международной напряжённости накануне войны возложил на Германию и Австро-Венгрию¹¹). На фоне таких настроений, отмечает канадский историк К. Нейлсон, выводы Альбертини профессиональное историческое сообщество игнорировало, и его трёхтомный труд на Западе по сей день охотно цитируют, но редко изучают¹².

Отечественная историография на протяжении советского периода своего существования настаивала на неизбежности и предопределённости мировой войны самим фактом неравномерности экономического и политического развития капитализма и указывала на равную ответственность обеих «групп разбойничьих держав» – Тройственного союза и Антанты – за её начало. Ещё в 1919 г. Покровский в характерной для большевистской публицистики манере

⁸ *Morhardt M.* Les trois enfants abandonnés. Paris, 1920; *Isaac J.* Le débat historique 1914. Le problème des origines de la guerre. P., 1933; *Fay S.* The Origins of the World War. 2 edition. N.Y., 1934; *Покровский М.Н.* Империалистическая война: Сборник статей. М., 1934. С. 115. «Царское правительство всячески отрицало, что оно начало мобилизовывать первое, ибо совершенно очевидно, что тот, кто первый начал мобилизацию, и является непосредственным виновником войны», – безапелляционно утверждал Покровский.

⁹ *Schmitt B.E.* The Coming of the War, 1914. N.Y.; L., 1930; *idem.* Triple Alliance and Triple Entente. N.Y., 1934. В своей последней работе, увидевшей свет полвека спустя, Шмитт выстроил следующую цепь событий, непосредственно приведших к войне: «потсдамские решения Вильгельма II и Бетман-Гольвега», «решительные действия Австрии против Сербии» после того, как Вена отвергла ответ Белграда на свой ультиматум, и «совместное давление Сазонова и генералов на царя» с последующей всеобщей мобилизацией русской армии. Вопрос о том, мог ли мировой катаклизм быть избежит, он назвал «бесконечным» (*never-ending*), т.е. фактически неразрешимым (*Schmitt B.E., Vedeler H.C.* The World in the Crucible, 1914–1919. N.Y., 1984. P. 17).

¹⁰ *Lutz H.* Die europäische Politik in der Julekrise 1914. Berlin, 1930.

¹¹ *Albertini L.* The Origins of the War of 1914. Vol. 1–3. Oxford, 1952–1957 (первое издание на итальянском языке вышло в Милане в 1942–1943 гг.).

¹² *Neilson K.* 1914: The German War? Любезно предоставленная автором рукопись статьи, принятой к публикации в июльском номере журнала «European History Quarterly» за 2014 г. Главное внимание К. Нейлсон сосредоточил на изучении в современной англоязычной историографии подготовки и участия в Первой мировой войне Великобритании, Франции и Турции – сюжетов, которые почти не затрагиваются в настоящем очерке.

писал: «Империалистическая сволочь Германии не меньше всякой другой стремилась к этой бойне, но и не больше всякой другой... “Виноват” в кровопролитии не тот или другой империализм, а империализм вообще – французский, английский или русский – не меньше германского или австрийского»¹³. Основную причину войны он видел в стремлении правительств всех воюющих стран «предупредить надвигающуюся с неудержимой, стихийной силой социальную революцию» (курсив Покровского. – Авт.)¹⁴. Так решался вопрос о причинах и виновниках конфликта. Проблема же его непосредственного инициатора с течением времени стала толковаться двояко. Покровский заверял, что «нас совершенно не интересует вопрос об индивидуальных ответственностях»¹⁵. В тон ему К.Б. Виноградов аттестовал ту же проблему как «второстепенный сюжет», «искусственный объект дискуссии», а многолетний интерес к ней западной историографии – как «эффективный отвлекающий манёвр», «удачный способ одурачивания народных масс»¹⁶. «Вопрос о том, какая группа нанесла первый удар или первая объявила войну, не имеет никакого значения», – заявлял Н.П. Полетика, но тут же констатировал, что «выбор момента для развязывания мировой империалистической войны» взяли на себя «германские империалисты». Большая Советская энциклопедия также называла германский империализм «непосредственным зачинщиком» этой войны¹⁷. Что касается России, то она как «подчинённый» и «второстепенный» участник Антанты, именовалась «последней в смысле желания развязать войну» (из-за неподготовленности к ней)¹⁸. В войне 1914–1917 гг., утверждал вслед за В.И. Лениным Полетика, «не было “нападающих” и “обороняющихся”, а были две взаимно друг на друга нападающие стороны, которые вели друг против друга наступательную войну»¹⁹. Такой подход фактически делал излишними дальнейшие исторические изыскания по интересующему нас вопросу, и на отечественном историческом небосклоне он вновь возник только в постсоветские времена²⁰. Систематическое изучение внешней политики царской России началось в СССР лишь после Второй мировой войны. С её окончанием исследователи получили возможность ознакомиться с очередным массивом прежде закрытых документов 30–40-летней давности, что дало новый импульс рассмотрению военно-политических планов Антанты и Тройственного союза. К материалам стран бывшей германской коалиции западные учёные нередко получали доступ как к трофеям, а свои документы государства-члены бывшего Соглашения в 1940–1950-х гг. продолжили открывать сами. Многие из них затем были опубликованы²¹.

¹³ Покровский М.Н. К вопросу о виновниках войны // Покровский М.Н. Империалистическая война... С. 102.

¹⁴ Там же. С. 101.

¹⁵ Там же. С. 95.

¹⁶ Виноградов К.Б. Буржуазная историография Первой мировой войны. Происхождение войны и международные отношения 1914–1917 гг. М., 1962. С. 16.

¹⁷ Большая Советская энциклопедия. Изд. 2. Т. 32. М., 1955. Стб. 344.

¹⁸ Полетика Н.П. Возникновение Первой мировой войны (Июльский кризис 1914 г.). М., 1964. С. 12–13, 571, 572, 575, 576.

¹⁹ Там же. С. 575.

²⁰ См., например: Туполев Б.М. Дискуссии в прошлом и настоящем о причинах войны // Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война. Исторический очерк / Под ред. В.Л. Малькова и Г.Д. Шкундина. М., 2002. С. 21–33.

²¹ См.: Germany and the Revolution in Russia, 1915–1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry / Ed. by Z. Zeman. L., 1958; The Outbreak of the First World War / Ed. by I. Geiss. L., 1967; и др.

Крупнейшим событием в изучении интересующих нас сюжетов в послевоенный период стал выход в свет работ гамбургского профессора-историка Ф. Фишера и его последователей в Германии и Австрии²². Опираясь на вновь открытые архивные документы, главным виновником Первой мировой войны эти авторы объявили германское и австрийское имперское руководство, которое в конечном счёте действовало в интересах национальных промышленных групп. В ходе состоявшейся весьма бурной дискуссии историки этой школы доказывали, что цель завоевания мирового господства появилась не в фашистской, а ещё в кайзеровской Германии (почему рейхсканцлера Бетман-Гольвега они называли «Гитлером 1914 года»), которая и выступила инициатором Первой мировой войны, неся, таким образом, основной груз ответственности за её развязывание. Ученик Фишера И. Гейсс доказывал, что неизбежной войну сделали *Weltpolitik* Германской империи и её стремление «всеми способами» защищать консервативные и монархические принципы внутри и вовне.

Работы школы Фишера раскололи не только академическое сообщество Германии, но и «саму германскую нацию»; затем, по словам Хью Стрэчана, стороны «окопались»²³ и перешли к эшелонированной обороне. Широкий общественный резонанс их трудов не помог сторонникам Фишера достичь в германской историографии идейного преобладания. Среди немецких исследователей продолжал господствовать тезис о миролюбии Германии, в предвоенные годы стремившейся-де лишь вступить в клуб великих держав и защититься от внешних угроз, а в качестве главных виновников развязывания мировой катастрофы фигурировали страны Антанты и в первую очередь Россия, которая якобы действовала под лозунгом «*Drang nach Westen*»²⁴. Даже те западные историки, которые были готовы прислушаться к аргументам Фишера, старались соблюсти оценочный «баланс» между экспансионистскими и милитаристскими устремлениями Германии, с одной стороны, и «агрессивностью французских националистов» вкупе с якобы характерным для царской России «необычайным смещением шовинизма, коррупции и военно-политической некомпетентности», – с другой²⁵.

В духе концепции Ренувена о «глубинных силах», которые определяют характер международных отношений (с особым акцентом на национальные и политические факторы), милитаризм и имперская экспансия рассматривались как результат множества почти равноценных внутренних политических и идеологических воздействий. В качестве общих, или «структурных», предпосылок мирового вооружённого конфликта исследователи указывали на гонку вооружений, охватившую державы Старого Света, на систему военно-политических блоков как продукт их тайной дипломатии, на воинствующе-национа-

²² *Fischer F.* Griff nach der Weltmacht. Die Kriegzielpolitik des Kaiserlichen Deutschland 1914–1918. Hamburg, 1961; *idem.* World Power or Decline: the Controversy over German's Aims in the First World War. L., 1974 (первое немецкое издание – 1965); *idem.* War of Illusions: German Policies from 1911 to 1914. N.Y., 1975 (первое немецкое издание – 1969); *Geiss I.* German Foreign Policy, 1870–1914. L., 1977 (первое немецкое издание – 1973); *Rauchensteiner M.* Der Tod des Doppeladlers. Österreich-Ungarn und der Erste Weltkrieg. Graz, 1994; и др.

²³ *Strachan H.* The Outbreak of the First World War. Oxford, 2004. P. V, 5–6.

²⁴ Подробнее о германоязычной историографии 1960–1970-х гг. см.: *Писарев Ю.А.* Германский империализм и Балканы: Роковые решения Вильгельма II Гогенцоллерна // Новая и новейшая история. 1983. № 5. С. 61, 72.

²⁵ *Turner L.C.F.* The Russian Mobilization in 1914 // *The War Plans of the Great Powers, 1880–1914* / Ed. by P.M. Kennedy. L., 1979. P. 266.

листические общественные настроения. Всё это фактически предопределяло признание их коллективной, а то и равной ответственности за развязывание войны. Подобные взгляды укоренялись и в общественном сознании. Влиятельный политик, многолетний председатель ХСС и министр-президент Баварии Ф.-Й. Штраус, выступая в 1980 г. по западногерманскому телевидению, как много ранее в своих воспоминаниях и Ллойд-Джордж, объявил Первую мировую войну результатом соперничества всех европейских великих держав, из коих ни одна не желала войны, но все просто «слепо» в неё «соскользнули». По свидетельству историка В. Гуче, сходные оценки причин и обстоятельств начала войны тиражировали школьные учебники Западной Германии²⁶.

Почти на те же оценочные категории опиралась и заокеанская историография 1960–1970-х гг. Её главной новацией стало стремление на материале Первой мировой войны выстроить универсальную матрицу механизма возникновения международных кризисов и конфликтов. Китаист Р. Норт, политологи Н. Чоукри и О. Холсти, их коллеги и последователи в США и Канаде²⁷ действовали при этом в двух направлениях. Одни с помощью методик контент-анализа моделировали стереотип мышления политиков в кризисной предвоенной ситуации (объектом их анализа выступали настроения правящей верхушки, исходя из сформулированного Холсти убеждения, что «начало Первой мировой войны явилось результатом решений, принятых или не принятых политическими деятелями в Вене, Белграде, Берлине, Петербурге, Париже и Лондоне», причём война «не являлась целью ни одного из европейских лидеров»); другие занялись разработкой теории «бокового (поперечного) давления» (*lateral pressure*). Эта последняя разновидность клиометрии базировалась на представлении о том, что мировая война явилась результатом действия долговременных политических, экономических, демографических, культурных и других внутренних равноправных факторов, поддающихся формализации. Таким образом, генезис мирового вооружённого конфликта стал рассматриваться одновременно «сверху» и «снизу». Согласно общей логике исследователей Нового Света, искать конкретного виновника Первой мировой войны не имело смысла, поскольку в её основе лежал потенциальный экспансионизм всех её участников, осложнённый страхами и фатальными ошибками политического руководства обоих противостоявших военно-политических блоков. Вопрос заключался лишь в степени и направленности этого экспансионизма.

«Шкала агрессивности», предложенная Чоукри и Нортом, включала пять элементов, которые оценивались в баллах: 1) степень экспансии данного государства (единицей измерения выступала площадь его колоний); 2) конфликты интересов (единица измерения – условная величина); 3) военный потенциал (размер военного бюджета); 4) союзы (их количество) и 5) потенциал насилия, направленного вовне (условная величина). На первый взгляд, подобная схема была способна приблизить к объективной оценке характера внешней политики того или иного государства, однако в действительности оставляла широчайшее

²⁶ Гуче В. Об ответственности германского империализма за развязывание Первой мировой войны (основные тенденции буржуазной историографии ФРГ) // Исследования по истории германского империализма начала XX века / Под ред. Б.А. Айзина и В. Гуче. М., 1987. С. 35–36.

²⁷ См.: Holsti O., North R. Comparative Data from Content Analysis: Perceptions of Hostility and Economic Variables in the 1914 Crisis // Comparing Nations. The Use of Quantitative Data in Cross-National Research / Ed. by R. Merrit and S. Rokkan. New Haven, 1966; North R., Lagerstrom R. War and Domination: A Theory of Lateral Pressure. N.Y., 1971; Choucri N., North R. Nations in Conflict. National Growth and International Violence. San-Francisco, 1975; и др.

поле для предвзятости и субъективизма. Так, исчисляя коэффициент внешней экспансии России, Чоукри и Норт исходили из того, что её колонией была вся территория к востоку от Урала; относительно же Германии аналогичный показатель принимал в расчёт лишь её незначительные заморские владения и не учитывал планы Берлина создать подконтрольную себе *Mitteleuropa*. В общем, путь, предложенный заокеанскими клиометристами, не произвёл революции в изучении ни международных отношений XX в., ни причин и виновников Первой мировой войны. Исследование менталитета правящих верхов и их мотиваций при принятии внешнеполитических решений накануне Первой мировой войны в 1980-х гг. продолжил «ветеран» этой темы, британский профессор-историк Д. Джолл²⁸.

Стремление выставить агрессором Россию оставило свой след в работах и тех историков, которые изучали военно-политические планы участников мировой войны традиционными методами. Так, сравнивая сентябрьские (1914) тезисы высшего германского руководства, введённые в научный оборот Ф. Фишером, с русской предвоенной «программой войны», Д. Кейтли пришёл к выводу, что Петербург, в отличие от Берлина, во-первых, вступил в борьбу с «определённо аннексионистским планом и ясной схемой перекройки межгосударственных границ» и, во-вторых, добился санкции на их реализацию союзниками по Антанте и неуклонно следовал этой «программе агрессии» на практике²⁹. Впрочем, в 1970–1980-х гг. наиболее заметной тенденцией западноевропейской историографии стало изучение происхождения Первой мировой войны на материале отдельных стран – её участниц (большинство работ на эту тему вышло в серии издательства Макмиллан «*The Making of the Twentieth Century*») ³⁰. Внимание исследователей оказалось сфокусировано на значении и соотношении внешне- и внутривосточных факторов, которые толкнули в войну каждую из них. Независимо от признания примата тех или иных причин в каждом конкретном случае, в общей оценке предвоенных курсов Германии и Австро-Венгрии школа Фишера продолжала обретать сторонников. В отличие от авторов 1920–1930-х гг., Д. Стивенсон пришёл к выводу, что предвоенная

²⁸ *Joll J. Intellectuals in Politics. Three Biographical Essays. L., 1960; idem. The Origins of the First World War. L., 1984.*

²⁹ *Keithly D. Did Russia also have War Aims in 1914? // East European Quarterly. 1987. Vol. 21. № 2. P. 139–143.* «Программу войны» Кейтли усмотрел в решениях одного из петербургских Особых совещаний (февральского 1914 г. по босфорской проблеме), а говоря о «схеме перекройки границ», имел в виду «эскизы» послевоенного мироустройства, который российский министр иностранных дел предложил союзникам по Антанте на обсуждение в сентябре 1914 г. (с лёгкой руки французского посла в Петрограде М. Палеолога, в зарубежной историографии его принято называть «13-ю пунктами Сазонова»). Со своей стороны, историк У. Ренци полагал, что Палеолог был склонен к мистификациям и, сообщая эти мифические «пункты» в Париж, тем самым «сбил с толку» и своё правительство, и «три поколения историков». Помимо необходимости крайне осмотрительно относиться к сообщениям французского дипломата, это обстоятельство, подчёркивал Ренци, выбивает почву из-под ног тех его коллег, которые из «пунктов Сазонова» выводили стремление России ускорить развязывание мировой войны для скорейшей реализации содержавшейся в них «чрезмерно амбициозной, даже грандиозной программы территориальных приобретений» (*Renzi W. Who Composed «Sazonov's Thirteen Points»? // The American Historical Review. 1983. Vol. 88. № 2. P. 347, 357.*) Впрочем, соображения Ренци относительно недостоверности информации Палеолога – всего лишь гипотеза.

³⁰ *Berghahn V.R. Germany and the Approach of War in 1914. L., 1973; Steiner Z.S. Britain and the Origins of the First World War. N.Y., 1977; Bosworth R. Italy and the Approach of the First World War. L., 1983; Keiger J.F.V. France and the Origins of the First World War. L., 1983; и др.*

гонка вооружений европейских держав сама по себе не являлась «фактором войны» и играла подчинённую по отношению к политике роль³¹.

Что касается России, то общим местом западной историографии стал «великодержавный запрос» и «русских элит», и широких общественных кругов как неотъемлемая часть политического ландшафта Российской империи и её внешнеполитических акций³². Большая часть российского политического класса, установил Д. Ливен, старалась избежать войны, но стремление элит сохранить за Россией великодержавный статус заставило их ввязаться в мировой конфликт, несмотря на отчётливое осознание сопутствовавших огромных внутривнутриполитических рисков. Исследования Н. Стоуна и П. Гатрелла показали, что предвоенную программу модернизации русской армии в целом осуществить удалось, а в годы самой войны военный сектор экономики России исправно функционировал³³. Подготовку же командного состава российских вооружённых сил западные авторы оценивают критически, уровень военного планирования считают низким, предвоенные планы – непоследовательными, толкавшими русскую армию к одновременному наступлению по «двум расходящимся стратегическим направлениям»³⁴. Всё это, по мнению Б. Мэннинга, обрекало её на неудачи и делало зависимой от союзников (о русских победах и вообще военных успехах в Первой мировой войне в зарубежной историографии по давно заведённой традиции говорить не принято).

В конце XX в., по мере усложнения представлений об истоках и причинах крупных вооружённых конфликтов, в западной историографии шло дальнейшее «размывание» ответа на вопрос об ответственных за Первую мировую. Известный финский специалист П. Лунтинен, например, полагал, что «назначение» её «индивидуального виновника» является проблемой не исторической науки, а пропаганды. Ответственность за войну он и его единомышленники возлагали не на конкретное государство, а на всю «европейскую политическую и военную культуры», по меркам которых нормой считался вооружённый способ защиты «национальной чести, силы, влияния и интересов»³⁵. К. Кларк также считает поиск виновников войны некорректным, поскольку такая постановка вопроса, по его мнению, предполагает допущение, что политическая верхушка европейских держав действовала не ситуативно, как в действительности, а по заранее продуманному плану³⁶. Современные историки, подтверждает британец Д. Бурн, не склонны клеймить кого-либо конкретно за начало военных действий, но «пытаются понять страхи и амбициозные замыслы тех европейских правящих элит, которые принимали судьбоносные решения относительно войны». «Страхи были важнее амбиций», поскольку из всех стран, вовлечённых в

³¹ *Stevenson D.* Armaments and the Coming of War. Europe, 1904–1914. Oxford, 1996.

³² См., например: *Smith C.J., jr.* The Russian Struggle for Power, 1914–1917. A Study of Russian Foreign Policy during the First World War. N.Y., 1956; *Geyer D.* Russian Imperialism. The Interaction of Domestic and Foreign Policy, 1860–1914. New Haven, 1987 (первое немецкое издание – 1977); *Lieven D.C.B.* Russia and the Origins of the First World War. L., 1983.

³³ *Stone N.* The Eastern Front 1914–1917. L., 1975; *Gatrell P.* Government, Industry and Rearmament in Russia, 1900–1914. Cambridge, 1994.

³⁴ *Snyder J.* The Ideology of the Offensive. Military Decision Making and the Disasters of 1914. Ithaca, 1984. P. 166; *Мэннинг Б.* Фрагменты одной загадки: Ю.Н. Данилов и М.В. Алексеев в русском военном планировании в период, предшествующий Первой мировой войне // Последняя война императорской России: Сборник статей / Под ред. О.П. Айрапетова. М., 2002. С. 86.

³⁵ *Luntinen P.* French Information on the Russian War Plans, 1880–1914. Helsinki, 1984. P. 205–206; *Schmitt B.E., Vedeler H.C.* Op. cit. P. 22–23.

³⁶ *Clark C.* The Sleepwalkers. How Europe Went to War in 1914. L., 2012. P. 560.

войну, утверждает Бурн, «лишь Сербия имела ясные экспансионистские планы»³⁷. «Максимум, на что мы можем рассчитывать, – замечает М. Макмиллан по этому же поводу, – это как можно лучше понять тех, кто делал выбор между войной и миром, их сильные и слабые стороны, то, что они любили и ненавидели, к чему были пристрастны»³⁸.

Макрокатегориями склонны оперировать и последователи школы Ренувена (сам мэтр скончался в 1974 г.). Осознавая длительность вызревания причин Первой мировой войны, Р. Жиро, Ж. Бувье и другие французские исследователи сосредоточились на изучении национальных и экономических барьеров, разделивших Европу в её преддверии и предопределивших национальную обособленность и политико-экономическое противостояние держав. Особо отмечается всплеск гиперационализма в предвоенной Германии и её роль как главного возмутителя европейского экономического спокойствия в связи с планами создания мощной «Срединной Европы» под своим главенством³⁹. В общем, вопрос об ответственности за войну, справедливо замечает соотечественник и коллега Бурна, по сей день продолжает свой путь из области конкретики в сферу милитаризма, национализма, «экономического империализма» и прочих «-измов»⁴⁰. Продолжаются и попытки свести генезис Первой мировой войны к особенностям менталитета европейских элит начала XX в. и их политической культуры⁴¹. Особое внимание специалистов этого профиля традиционно привлекают социал-дарвинизм, пацифизм и другие, столь же различные общественные и интеллектуальные течения Европы предвоенных и военных лет⁴².

Современные российские исследователи истории Первой мировой войны расходятся в оценке целесообразности участия, характера и роли в ней России, но единодушны в том, что ближайшим виновником этого конфликта явились Германия и Австро-Венгрия, гегемонистские устремления которых сделали сползание к войне необратимым⁴³. Большинство их западных коллег предпочитает изучать такие проблемы, как особенности функционирования государственного аппарата в условиях войны, феномены коллаборационизма и дезертирства, «человек и война». Вопрос о непосредственных виновниках войны давно утратил былую остроту и отодвинулся на периферию исторических исследований. Продолжаются попытки представить главным виновником мировой войны Россию – например, в связи с её планами в отношении Турции и особенно Константинополя и Проливов⁴⁴. Тем не менее в общих оценках чаша весов всё более склоняется в пользу школы Фишера⁴⁵. Одни современные

³⁷ Bourne J. Total War I: the Great War // The Oxford Illustrated History of Modern War / Ed. by C. Townshend. Oxford, 1997. P. 100.

³⁸ Macmillan M. The War that Ended Peace. The Road to 1914. L., 2013. P. 645.

³⁹ Урибес Санчес Э. Современная французская историография происхождения Первой мировой войны // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории / Отв. ред. Ю.А. Писарев и В.Л. Мальков. М., 1994. С. 42–43.

⁴⁰ Strachan H. Op. cit. P. 4, 107.

⁴¹ См., например: An Improbable War? The Outbreak of the World War I and European Political Culture before 1914 / Ed. by H. Afflerbach and D. Stevenson. N.Y., 2007.

⁴² См.: Brock P. Pacifism in Europe to 1914. Princeton, 1972; Chickering R. Imperial Germany and a World without War. The Peace Movement and German Society, 1892–1914. Princeton, 1975; Mulligan W. The Origins of the First World War. Cambridge, 2010.

⁴³ Первая мировая война: пролог XX века / Отв. ред. В.Л. Мальков. М., 1998. С. 32; Виноградов В.Н. Быть или не быть войне? // Мировые войны XX века. Кн. 1. С. 119–120.

⁴⁴ См., например: McMeekin S. The Russian Origins of the First World War. Cambridge and London, 2011.

⁴⁵ См.: Lieven D.C.B. Op. cit. P. 151; Bourne J. Britain and the Great War, 1914–1918. L., 1989. P. 2.

исследователи наиболее опасной, авантюристичной и провокационной считают предвоенную политику Австро-Венгрии⁴⁶, другие полагают, что Первая мировая война явилась не более, чем очередной попыткой Германии поставить Европу под свой контроль – одной из многих на протяжении столетий⁴⁷. Однако степень виновности Берлина за развязывание мирового конфликта, по мнению третьих, остается выясненной не до конца. Например, Х. Стрэчан считает, что предвоенные мобилизационные мероприятия России «загнали Германию в угол», попросту не оставив ей выбора⁴⁸. К. Нейлсон предлагает различать понятия общей виновности и непосредственной ответственности за войну (в его интерпретации, первая категория носит более долговременный и потому объективный характер) и в целом отказаться от привычки рассматривать международные отношения в Европе исключительно с точки зрения предопределённости войны в 1914 г. и «германоцентризма», сопутствующего такому подходу: за малыми исключениями до сих пор в трудах историков, пишет он, межгосударственные отношения предвоенных лет рассматриваются только так, «как если бы они вели к грядущему конфликту». Тем не менее для этого исследователя, как и для большинства современных отечественных и зарубежных историков, неоспоримо, что непосредственная ответственность за начало войны в 1914 г. лежит именно на Австро-Венгрии и Германии⁴⁹.

⁴⁶ *Fellner F. Austro-Hungary // Decisions for War / Ed. by K. Wilson. L., 1995. P. 9–26; Tunstall G., jr. Austro-Hungary // Origins of World War I / Ed. by R. Hamilton and H. Herwig. Cambridge, 2003. P. 112–149.*

⁴⁷ *Fergusson N. The Pity of War. L., 1998; Simms B. Europe: The Struggle for Supremacy, 1453 to the Present. L., 2013.*

⁴⁸ *Strachan H. Op. cit. P. VI.*

⁴⁹ *Neilson K. Op. cit.*

Проигранная война, поиск виновников и тень нацизма: Первая мировая война в немецкой историографии

Оксана Нагорная, Игорь Нарский

В череде многочисленных юбилеев – эффективного инструмента исторической политики¹ – столетие Первой мировой войны играет особую роль. Призванный внести посильный вклад в подведение итогов и исцеление ран драматичного XX в., этот юбилей посвящён событию, положившему начало трагедиям минувшего столетия. Парадоксальность самого коммеморативного повода для ряда центрально- и восточноевропейских стран усиливается тем

© 2014 г. О.С. Нагорная, И.В. Нарский

¹ О юбилеях как инструменте реализации исторической политики, укрепления коллективной памяти и идентичности см.: *Кузнецов А., Маслов А. Диктатура юбилеев, мемориальный бум как призрак иной повседневности // Исторические исследования в России – III. Пятнадцать лет спустя / Под ред. Г.А. Бордюгова. М., 2011. С. 514–548; Историческая политика памяти в XXI веке / Под ред. А. Миллера и М. Липман. М., 2012.*